

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.1.37>

Кожевников Виктор Андреевич

"...ВСЕПОКОРНЕЙШЕ ПРОШУ НИКАК ИМЕНИ МОЕГО НЕ УПОМИНАТЬ..." ИЗ КОММЕНТАРИЯ К "ПОВЕСТЯМ ПОКОЙНОГО ИВАНА ПЕТРОВИЧА БЕЛКИНА"

В статье анализируется письмо к Ивану Петровичу Белкину его "друга", "ненарадковского помещика", пожелавшего остаться неизвестным, и раскрывается его имя, что позволяет увидеть эволюцию образа Владимира Бурмина в годы его бесшабашной гусарской молодости, потом в эпоху героического служения Отечеству во время Наполеоновского нашествия и, наконец, в дни тусклого существования после превращения повесы и героя в ничем не примечательного деревенского помещика. Таким образом, в работе устанавливается связь письма Владимира Бурмина с не лишними иронии размышлениями самого Пушкина о возможных изменениях в его собственном мировидении и поведении.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/1/37.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 1. С. 185-189. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Список источников

1. Аннинский Л. А. Восхождение к свету // Дружба народов. 1972. № 6. С. 278-280.
2. Аннинский Л. А. Мера сил // Литературное обозрение. 1980. № 5. С. 41-46.
3. Астафьев В. П. Затеси // Новый мир. 1999. № 8.
4. Введение в литературоведение / ред. Г. Н. Поспелов. М.: Высшая школа, 1983. 528 с.
5. Гусев В. И. В предчувствии нового: о некоторых чертах литературы шестидесятых годов. М.: Советский писатель, 1974. 328 с.
6. Жигулин А. В. Далекий колокол. Воронеж: Издательство им. Е. А. Болховитинова, 2001. 696 с.
7. Жигулин А. В. Избранное. Стихи. М.: Художественная литература, 1981. 351 с.
8. Жигулин А. В. Полюнный ветер. Стихи. М.: Молодая гвардия, 1975. 224 с.
9. Истогина А. Я. Цветущий терновый венец. Творчество Анатолия Жигулина. М.: Русский путь, 2000. 152 с.
10. Куняев С. Ю. Избранные произведения: в 2-х т. М.: Художественная литература, 1988. Т. 2. Стихотворения 1976-1987. Поэмы. Лирические хроники. 335 с.
11. Лавлинский Л. И. Анатолий Жигулин. Надежда и судьба [Электронный ресурс]. URL: <http://lit.1september.ru/article.php?ID=200402208> (дата обращения: 11.10.2016).
12. Лавлинский Л. И. Мета времени, мера вечности: статьи о современной литературе. М.: Художественная литература, 1986. 269 с.
13. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1999. 464 с.
14. Марфин Г. «Далекий колокол» Анатолия Жигулина // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». 2004. № 1. С. 214-223.
15. Маслова В. А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2001. 208 с.
16. Рубцов Н. М. Последняя осень: стихотворения, письма, воспоминания современников. М.: Эксмо-Пресс, 2000. 608 с.
17. Руделев В. Г. Символы родины в поэтическом творчестве Анатолия Жигулина // Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2014. № 6. С. 223-234.
18. Сильман Т. И. Заметки о лирике. Л.: Советский писатель, 1977. 223 с.
19. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2004. 982 с.
20. Тютчев Ф. И., Фет А. А. Стихотворения. М.: Олимп; АСТ, 2000. 560 с.
21. Шаламов В. Т. Пейзажная лирика [Электронный ресурс]. URL: <http://shalamov.ru/library/21/22.html> (дата обращения: 27.10.2016).
22. Эпштейн М. Н. «Природа, мир, тайник вселенной»: система пейзажных образов в русской поэзии. М.: Высшая школа, 1990. 303 с.

BIRCH'S IMAGE-SYMBOL IN A. ZHIGULIN'S LYRICS

Isakova Alla Naumovna

Moscow State University of Education

isakova.alla@mail.ru

The article is devoted to the consideration of one of the archetypical images in A. V. Zhigulin's poetry that corresponds to the modern directions of literary science, in which the study of the national worldview and the constants of the national culture is one of the priorities. In the Russian consciousness, the birch is a symbol of motherland, a part of the native nature, a fixed attribute of Central Russia. The natural world of "small motherland" in A. Zhigulin's lyrics is studied as a part of the Russian world, as a basis for the formation of the lyrical hero's national identity, as a symbol of memory.

Key words and phrases: birch tree; motive; image; symbol; natural world; small motherland; A. V. Zhigulin.

УДК 82

Дата поступления рукописи: 16.11.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.1.37>

В статье анализируется письмо к Ивану Петровичу Белкину его «друга», «ненародовского помещика», пожелавшего остаться неизвестным, и раскрывается его имя, что позволяет увидеть эволюцию образа Владимира Бурмина в годы его бесшабашной гусарской молодости, потом в эпоху героического служения Отечеству во время Наполеоновского нашествия и, наконец, в дни тусклого существования после превращения повесы и героя в ничем не примечательного деревенского помещика. Таким образом, в работе устанавливается связь письма Владимира Бурмина с не лишними иронии размышлениями самого Пушкина о возможных изменениях в его собственном мировидении и поведении.

Ключевые слова и фразы: Пушкин; Иван Петрович Белкин; Бурмин; цикл повестей; автор.

Кожевников Виктор Андреевич

Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, г. Москва
polina50@list.ru

**«...ВСЕПОКОРНЕЙШЕ ПРОШУ НИКАК ИМЕНИ МОЕГО НЕ УПОМИНАТЬ...»
ИЗ КОММЕНТАРИЯ К «ПОВЕСТЯМ ПОКОЙНОГО ИВАНА ПЕТРОВИЧА БЕЛКИНА»**

Предисловие Издателя А. П. к «Повестям покойного Ивана Петровича Белкина» включает анекдотическую «эпистолю» «почтенного мужа» и друга Ивана Петровича, которая не только Белкина характеризует, но и самого автора «эпистолы» обличает.

Он человек немолодой, степенный и благородный, вполне добропорядочный, но не наделенный ни пронзительным умом, ни хотя бы каким-нибудь талантом. Он простой и «добрый малой, / Как вы да я, как целый свет» [9, с. 168]. Он, кажется, во многом подобен «деревенскому старожилу», дяде Онегина, или «смиренному грешнику» Дмитрию Ларину, который, как известно, тоже был «добрый малой, / в прошедшем веке запоздалый» [Там же, с. 44]. Некогда герой, награжденный Очаковской медалью, Ларин, ни о чем не тревожась, мирно и спокойно жил в своей деревне, «в халате ел и пил» и не утруждал себя чтением книг, которые почитал «пустой игрушкой» [Там же]. Описание семейства Лариных иронично. Ирония – любимый художественный прием Пушкина. Но так было в 1823 году, когда Пушкин писал Вторую главу «Евгения Онегина». К тридцати годам, когда на его столе лежала рукопись онегинского «Странствия», Пушкин по-другому смотрел на мир. Изменились, причем существенно, его идеалы. И это нашло свое отражение и в «Евгении Онегине», и в стихах, и в «маленьких трагедиях», и в «Повестях покойного Ивана Петровича Белкина», «творения» которого блистательно охарактеризовал их невыдуманный автор – сам Александр Сергеевич Пушкин: когда лицеист П. И. Миллер в 1831 г. увидел у него вышедшие в свет «Повести...» и спросил, кто же все-таки их написал, Пушкин ответил: «Кто бы он там ни был, а писать повести надо вот этак: просто, коротко и ясно» [7, с. 235].

Простота и ясность не исключают «загадок» и всякого рода «тайн»: «Не надобно все высказывать – это есть тайна занимательности», – писал Пушкин [10, с. 58].

«Эпистола» друга Ивана Петровича Белкина незамысловата, проста и вместе с тем весьма любопытна: она не только задает тон восприятия всего цикла, но и хранит, по крайней мере, три «тайны», три загадки.

Первая – «загадка трех дат».

«Милостивый Государь мой ****! – писал сосед Белкина Издателю А. П. – Почтеннейшее письмо ваше от 15-го *сего* месяца получить имел я честь 23 *сего же* месяца...» [13, с. 59].

Название «сего месяца» приводится в конце письма: «1830 году Ноября 16. Село Ненарадово» [Там же, с. 62].

И тут выясняется нечто странное и даже невозможное (а может быть, нечто «мистическое»?): оказывается, что Издатель написал письмо 15 ноября, друг Белкина написал ответное 16-го, а само письмо получил только 23 ноября... На эту историю комментаторы уже обращали внимание, но объяснить смысл этого недоразумения не смогли.

И мы не беремся объяснить его, хотя ни малейших сомнений в том, что это не оплошность или недосмотр Пушкина, нет.

Вторая загадка – «тайна» пресловутых инициалов «титularного советника А. Г. Н.», «подполковника И. Л. П.», «приказчика Б. В.», «девицы К. И. Т.» – загадка, над которой пушкинисты безуспешно бьются до сих пор, пытаясь понять, кто же скрывается за этими инициалами.

Третья загадка (в данном для нас случае важная) – личность автора «эпistolы», который пожелал остаться неизвестным: «...в случае, если заблагорассудите сделать из сего моего письма какое-либо употребление, – писал он Издателю, – всепокорнейшее прошу никак имени моего не упоминать...» [Там же].

«Мы, – пишет Николай Константинович Гей, – почти ничего стоящего не узнаем о Белкине, но получаем более чем отчетливое представление об авторе письма, словно он интереснее, чем тот, кому это письмо посвящено. Правда, при этом мы не узнаем, как зовут нашего нового знакомого, и не можем его иначе именовать, нежели как “ненарадовский помещик”. А сам он в заключение письма всепокорнейше просит “никак имени моего не упоминать”, как бы, в свою очередь, растворяясь в небытии» [4, с. 93].

Автор письма – лицо, действительно, интересное, но он «не растворяется для нас в небытии», потому что бы, что узнать имя «нашего нового знакомого» нетрудно.

Его зовут Владимир Бурмин. Удивительно, что, несмотря на несколько сотен статей о «Повестях покойного Ивана Петровича Белкина», исследователи не обратили на это внимания.

А «выдает» себя «друг Белкина» так.

«Названия сел и деревень заимствованы из нашего околodka, отчего и моя деревня где-то упомянута» [13, с. 61], – меланхолично сообщает из сел *Ненарадова* бестолковый друг Белкина, не заметивший, что его деревня не просто «где-то упомянута», а шесть раз прямо названа в повести «Метель», которая начинается строкой: «В конце 1811 года, в эпоху нам достопамятную, жил в *своем поместье Ненарадове* добрый Гаврила Гаврилович Р** (курсив автора статьи. – В. К.)» [Там же, с. 77].

У Гаврилы Гавриловича была дочь Марья Гавриловна, влюбленная в «бедного армейского прапорщика» Владимира Николаевича. Он «в каждом письме умолял ее предаться ему, венчаться тайно» [Там же], потому что родители Марьи Гавриловны были против этого «мезальянса», и Марья Гавриловна после долгих раздумий, колебаний и сомнений согласилась преступить запретную черту и пойти против воли родителей. Но в церкви, где она должна была венчаться с Владимиром Николаевичем, то ли по воле Божией, то ли по умыслу и проискам «метели», олицетворяющей в народном сознании inferнальные силы, случилась история невероятная: на месте Владимира Николаевича оказался другой «жених», с которым ее и обвенчали. Другого «жениха», ставшего мужем Марьи Гавриловны, тоже звали Владимиром, в противном случае их брак не был бы законным, и Марье Гавриловне не нужно было бы прятаться от женихов, которые «кружились... около милой и богатой невесты» [Там же, с. 82].

Новоявленный жених, гусар и повеса, нежданно-негаданно, – так сказать, «случайно», – став мужем чужой невесты, но не придавая этой «проказе» ни малейшего значения, поспешно ретировался из церкви и пропал.

Владимир Николаевич погиб в Бородинском сражении. Марья Гавриловна вместо счастливого замужества в один миг стала «соломенной вдовой» и не могла уже ответить взаимностью и согласием на предложения многочисленных женихов.

Она и полковника Бурмина готова была огорчить своим отказом, как вдруг выяснилось, что он и есть ее муж, с которым она таким странным, даже невероятным, а лучше сказать, анекдотическим образом обвенчалась в церкви в ту метельную ночь.

«– Боже мой, Боже мой! – сказала Марья Гавриловна, схватив его руку; – так это были вы! И вы не узнаете меня?»

Бурмин побледнел... и бросился к ее ногам...» [Там же, с. 86].

Обвенчавшись с Марьей Гавриловной, Бурмин стал не только ее законным мужем, но и если не хозяином, то и не гостем в Ненарадове, которое, по завещанию отца, всецело принадлежало Марье Гавриловне.

Именно отсюда, из села Ненарадова, он и написал свое письмо Издателю *А. П.*

Тайна имени сего «героя» – «секрет Полишинеля», и мы видим в развитии три периода жизни Владимира Бурмина.

Вначале, в юности, это бесшабашный гусар, способный на безрассудные, безумные, невероятные и даже немислимые выходки. Гусарство – это молодечество, особенная удаля, фрондерство, вызывающе беспечный образ жизни (обычно с кутежами, авантюрами и любовными приключениями), блистательно описанными Денисом Давыдовым в посланиях Бурцову и Пушкиным в «Метели», «Выстреле» и «Станционном смотрителе». И при всем этом гусарство проявляется еще в особого рода благородстве, чувстве собственного достоинства, высочайшем представлении о чести, а еще в постоянной готовности к подвигу, которая для Бурмина стала реальностью в годы Отечественной войны 1812 года, периоде героического служения Отечеству.

Второй период его жизни – заграничные походы, ранение, взятие Парижа, орден Святого Георгия в петлице (высший военный орден за боевые заслуги), слава и триумфальное возвращение...

А потом – третий период – мирное существование, заурядная жизнь деревенского помещика с ее «благоразумными» разговорами «о сенокосе, о вине, о псарне, о своей родне» [9, с. 34]. Все это описано и в «Евгении Онегине», и в повестях «Выстрел», «Барышня-крестьянка»... «Дар напрасный, дар случайный...» [12, с. 104].

А далее, увы, неизбежный финал – смерть.

Тема смерти – важнейшая во всем творчестве Пушкина: она преобладает в его лирике; так или иначе присутствует во всех его пьесах, романах и повестях.

Смерть всякой жизни подводит итог. И «героической», и осененной мирной славой, и, естественно, самой обыкновенной, обывательской, мещанской, ничем не примечательной. Тема смерти и прямо связанная с ней проблема эволюции человека – предмет неотступных размышлений и раздумий Пушкина на протяжении всей жизни, о чем свидетельствуют, например, его автопортреты в «старости». Ему было всего 24 года, когда в черновиках «Евгения Онегина», весной и осенью 1823 года, он трижды изобразил себя в образе пожилого человека и обрюзгшего старика [6, с. 40], и старика изможденного [Там же, с. 42]. И в 36 лет, в черновике стихотворения «Когда владыка ассирийский...», Пушкин изобразит себя в трагическом образе глухого старца [Там же, с. 67].

Но не только автопортреты свидетельствуют о том, что эта тема или проблема волновала Пушкина.

Чтобы узнать, что уготовила ему Судьба, что ему готовит «день грядущий», Пушкин обращался к гадалкам. Нам известно пять таких случаев, а сколько их было в действительности, сказать невозможно.

Три варианта будущей Судьбы описаны Пушкиным в главе Восьмой – строфы XXXVII, XXXVIII и XXXIX, посвященные дуэли и смерти Ленского, который мог стать великим поэтом.

XXXVII

Быть может, он для блага мира,
Иль хоть для славы был рожден;
Его умолкнувшая лира
Гремучий, непрерывный звон
В веках поднять могла. Поэта,
Быть может, на ступенях света
Ждала высокая ступень [9, с. 133].

Ленский мог бы стать великим полководцем или, питая «дум высокое стремленье» [3, с. 49], борцом за великие идеалы:

XXXVIII

Он совершить мог грозный путь,
Дабы последний раз дохнуть
В виду торжественных трофеев,
Как наш Кутузов иль Нельсон,
Иль в ссылке, как Наполеон,
Иль быть повешен, как Рылеев [9, с. 612].

Эта строфа, изъятая цензурой, не вошла в канонический текст романа, а следующая за ней изображала «обыкновенный удел», счастье, обретаемое «на проторенных дорогах», как о том Пушкин писал незадолго до женитьбы: «До сих пор я жил иначе как обыкновенно живут. Счастья мне не было. Il n'est de bonheur que dans les voies communes (Счастье можно найти лишь на проторенных дорогах. *Франц.*). Мне за 30 лет. В тридцать лет люди обыкновенно женятся – я поступаю как люди и, вероятно, не буду в том раскаиваться. К тому же я женюсь без упоения, без ребяческого очарования. Будущность является мне не в розах, но в строгой наготе своей. Горести не удивят меня: они входят в мои домашние расчеты. Всякая радость будет мне неожиданностию» [11, с. 150].

Наконец, третий вариант:

XXXIX

А может быть и то: поэта
Обыкновенный ждал удел.
Прошли бы юношества лета:
В нем пыл души бы охладел.
Во многом он бы изменился,
Расстался б с музами, женился,
В деревне счастлив и рогат
Носил бы стеганный халат;
Узнал бы жизнь на самом деле,
Подагру б в сорок лет имел,
Пил, ел, скучал, толстел, хирел.
И наконец в своей постеле
Скончался б посреди детей,
Плаксивых баб и лекарей [9, с. 133-134].

Узнав «жизнь на самом деле», Пушкин и свое будущее «бытие» видел в простоте семейного счастья (без «рогов», конечно). 22 июля 1831 года писал П. А. Плетневу: «Опять хандрить. Эй, смотри: хандра хуже холеры, одна убивает только тело, другая убивает душу. Дельвиг умер, Молчанов умер; погоди, умрет и Жуковский, умрем и мы. Но жизнь все еще богата; мы встретим еще новых знакомцев, новые созреют нам друзья, дочь у тебя будет расти, вырастет невестой, мы будем старые хрычи, жены наши – старые хрычовки, а детки будут славные, молодые, веселые ребята; а мальчики станут повесничать, а девчонки сентиментальничать; а нам то и любо» [11, с. 197].

Близкий к этой идиллии «идеал» Пушкин сформулировал немного раньше, в «Евгении Онегине»:

Мой идеал теперь – хозяйка,
Мои желанья – покой,
Да щей горшок, да сам большой [9, с. 201].

Этот идеал так похож на существование Бурмина с его милой (а может быть, и не очень «милой») хозяйкой Марьей Гавриловной, с его свободой «отчета не давать» и «шею не гнуть» [12, с. 420], с той независимостью (на самом деле все лишь ее иллюзией независимости), которая тем не менее казалась достижимой, о которой мечтал «усталый раб» Александр Пушкин («на свете счастья нет, но есть покой и воля» [Там же, с. 330]), и в то же время так не похож и даже совершенно чужд Пушкину, который посмеялся над своим героем, а, пожалуй, и над своим новым идеалом с горшком щей.

Список источников

1. Берковский Н. Я. О «Повестях Белкина» (Пушкин 30-х годов и вопросы народности и реализма) // О русском реализме XIX века и вопросах народности литературы: сб. статей. М. – Л.: ГИХЛ, 1960. С. 94-207.
2. Бочаров С. Г. Поэтика Пушкина. Очерки. М.: Наука, 1974. 209 с.
3. Вацуро В. Э. Записки комментатора. СПб.: Академический проект, 1994. 347 с.
4. Гей Н. К. Проза Пушкина: поэтика повествования. М.: Наука, 1989. 272 с.
5. Гукасова А. Г. «Повести Белкина» А. С. Пушкина. М.: Изд-во педагогических наук РСФСР, 1949. 127 с.
6. Жуйкова Р. Г. Портретные рисунки Пушкина. Каталог атрибуций. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. 429 с.
7. Миллер П. Встреча и знакомство с Пушкиным в Царском Селе (из воспоминаний лицестя за 1831 г.) // Русский архив. 1902. Кн. III. № 10.
8. Петрунина Н. Н. Проза Пушкина. Л.: Наука, 1987. 332 с.
9. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16-ти т. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1937. Т. 6. 700 с.
10. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16-ти т. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1937. Т. 13. 651 с.
11. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16-ти т. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1941. Т. 14. 547 с.
12. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16-ти т. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1948. Т. 3. Кн. 1. 635 с.
13. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16-ти т. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1948. Т. 8. 496 с.
14. Узин В. С. О повестях Белкина: из комментариев читателя. СПб.: Аквилон, 1924. 69 с.

“...I KINDLY REQUEST YOU NOT TO MENTION MY NAME...”
FROM THE COMMENTARY TO “THE TALES OF THE LATE IVAN PETROVICH BELKIN”

Kozhevnikov Viktor Andreevich

*A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow
polina50@list.ru*

The article analyses the letter to Ivan Petrovich Belkin from his “friend”, “Nenaradovo landlord”, who preferred to remain anonymous. The researcher identifies his name, which allows tracing the evolution of Vladimir Burmin’s image: his reckless hussar youth, the period of heroic service to the Motherland during Napoleon’s invasion and, finally, mediocre existence, when the former playboy and hero transformed into an ordinary rural landlord. So, the paper identifies the relation of Vladimir Burmin’s letter and Pushkin’s meditations, not lacking irony, on possible changes in his own world vision and behaviour.

Key words and phrases: Pushkin; Ivan Petrovich Belkin; Burmin; cycle of stories; author.

УДК 821.161.1

Дата поступления рукописи: 24.11.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.1.38>

В статье рассматривается актуальная проблема художественной функциональности концепта КАМЕНЬ в романе Захара Прилепина «Обитель». Анализируются символические смыслы этого концепта и его многочисленные коннотации (традиционные и новые), которые используются писателем для более глубоких и ярких характеристик персонажей, выражения авторской позиции, формирующей центральную идею произведения: беспрецедентное значение для русского человека и для России в целом имеет православный идеал личности, отвергающей «безудержное своеволие» как губительное для души.

Ключевые слова и фразы: З. Прилепин; символика библейских концептов; ядро концепта; исторические и ментальные коннотации концепта; способы выражения авторского сознания.

Попова Ирина Михайловна, д. филол. н., профессор
*Тамбовский государственный технический университет
kafedraruss@mail.ru*

**ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ КОНЦЕПТА КАМЕНЬ
В РОМАНЕ ЗАХАРА ПРИЛЕПИНА «ОБИТЕЛЬ»**

Концепт КАМЕНЬ (наряду с концептами ВЕРА, СВЯТОСТЬ, ПРАВДА) в художественном тексте романа Захара Прилепина на архитектурном уровне является одним из ключевых, поскольку через него реализуется главная идея произведения. КАМЕНЬ – библейский ментальный концепт предполагает обращение к дискурсу православия и имеет сложную структуру с множеством коннотаций исторического плана.

У слова «камень» очень древние коннотации. В Ветхом Завете камень имел двойственный смысл, означал 1) черствость и бесчувственность [8, с. 196] и 2) твердость и крепость (Быт. 49:94) [1]. Необходимо в связи с этим рассмотреть историческую динамику смыслов концепта КАМЕНЬ, чтобы точно определить художественную функциональность, которую он несет в романе «Обитель». Захар Прилепин использует данный концепт как в традиционных смыслах, так и в новаторских, авторских (метафорических).

Эрнст Нюстрем считал, что у слова «камень» было три ядерных коннотации: 1) оружие, сделанное из камня; 2) надгробие из камня (Быт. 31:46) [Там же]; 3) камень как орудие смерти [7]: преступников побиwali камнями и забрасывали камнями тело убитого. К названным выше древнейшим коннотациям концепта КАМЕНЬ были добавлены новые исторические напластования смыслов [8, с. 196].

В «Словаре символов» Н. Жюльен сказано, что в эпоху жизни Иисуса Христа «камень символизировал постоянство и стабильность, долговечность, величественность». В древности камням поклонялись язычники, для которых камни были символическими вехами памяти на историческом пути человечества [4, с. 166]. Будучи символами божественного присутствия и духовного влияния, священные камни якобы заключали в себе защитные и оплодотворяющие силы.

В Евангелии концепт КАМЕНЬ имел основные смыслы: 1) прочный и вечный фундамент Веры и Истины; 2) символ Спасителя – Иисуса Христа; 3) знак первоапостола, названного Петром (в переводе с латинского – камень), который стал основателем Церкви Христовой. Христа называли камнем в значении твердости, непоколебимости Веры.

Христиане тоже стали называть себя «живые камни», имея в виду, что они являются частицами «живого храма», в котором Христос стал «краеугольным камнем», и можно сослаться на более древнее пророчество Исаии: «Вот я полагаю в Сионе камень краеугольный испытанный, драгоценный и верующий в него будет жить во век» (Ис. 28:16).